

Каждый раз, когда он шёл гулять, за ним следовало несколько забияк из других классов. Он тоже каждый раз звал их из других классов — самые младшие были из третьего, а также из всех классов с первого по шестой. В каждом классе всегда находился один особенно непослушный, с такими он и водился. Поскольку он был человеком справедливым, не мелочным, в делах проявлял напористость, смелость и решимость, шёл впереди всех, эти люди охотно за ним шли, это было почётно, и все почтительно называли его «Старший брат Фэй».

Со временем его слава в школе росла, даже старшеклассники из соседней средней школы, которые болтались без дела, слышали о нём и тоже хотели с ним общаться.

Но школа и деревня — разные вещи. В деревне он был бедным парнишкой с отцом, но без матери, большинство смотрели на него свысока. Из-за плохой учёбы, из-за того, что в школе вёл себя плохо, многие родители запрещали своим детям с ним играть, боясь, что те от него наберутся дурного.

Поэтому каждый раз по дороге из школы домой он был один. В конце концов, те, с кем он играл, жили недалеко от школы. Деревенские дети, кроме него, были тихонями, один боязливее другого, послушные и прилежные, все они были объектами издевательств для него и его друзей. Конечно, как бы он ни был глуп, он не обижал детей из своей деревни, просто не общался с ними.

Каждый раз дорога от школы до дома занимала больше часа. Уроки заканчивались около пяти вечера, домой он добирался самое раннее к шести. Если дома оказывался Чжао Юань, то ему не приходилось готовить. Если Чжао Юань уходил в поле работать, то он сам шёл на кухню.

Таких дней на самом деле было мало, ведь в основном осенью — время сбора урожая, работы в поле много. Часто бывало, что Чжао Ифэй приходил домой, готовил ужин, а Чжао Юань всё не возвращался. Только к десяти вечера он видел, как бабушка, дедушка и Чжао Юань возвращались втроём: один нёс лопату и серп, другой на коромысле тащил пшеницу, третий — в охапке. Все запыхались от усталости.

В такие моменты Чжао Ифэй по-взрослому выходил встречать, помогал забрать у бабушки с дедушкой вещи, относил, куда нужно, а потом говорил им:

— Бабушка, дедушка, папа, еда в кастрюле, ещё тёплая, идите скорее есть.

Чжао Юань с сияющей улыбкой гладил Чжао Ифэя по голове:

— Вот если бы ты так же усердно учился, как готовишь...

Бабушка тут же одёргивала Чжао Юаня:

— Вечно ты не в тему говоришь.

— Пора ужинать! Умираю с голоду! — дед сам шёл на кухню снимать крышку с кастрюли.

Чжао Ифэй каждый раз, слыша эти слова, автоматически отключался, делал вид, что не слышит, и убегал в комнату спать.

На самом деле Деревня Чжаоцзя и Деревня Сюйцзя были соседями. Но в Деревне Чжаоцзя жило много людей, это была большая семья, а в Деревне Сюйцзя — маленькая, жителей было всего половина от Чжаоцзя. Поэтому часто дети из Деревни Чжаоцзя задирали детей из Деревни Сюйцзя.

Сюй Жуйцзе, поскольку его успеваемость всегда была одной из лучших в школе, был примерным учеником в глазах учителей, объектом обожания девочек и, конечно, предметом зависти для двоечников.

Так как отец Сюй Жуйцзе был бригадиром на стройке, условия жизни их семьи в Деревне Сюйцзя считались одними из самых лучших и зажиточных. В те времена, в те годы, когда у других были только велосипеды, у них уже был мотоцикл.

Семья была обеспеченной, отец — бригадир, мать — учительница, да ещё и преподавательница китайского языка в средней школе, поэтому воспитанный ими сын не мог быть плохим. Домашнее воспитание было строгим, особенно ценили учёбу.

В то время у Сюй Жуйцзе ещё не было близорукости, он был пай-мальчиком в классе, характер у него был мягкий и послушный. Трусливым его не назовёшь, просто он был слишком добрым, настолько, что другие всегда хотели воспользоваться его добротой, подшутить над ним, обидеть, особенно неучи и хулиганы.

Они и так учились плохо, а увидев, что у Сюй Жуйцзе хорошие оценки и добрый характер — эту доброту они воспринимали как слабость и трусость — решили, что его легко обижать. В конце концов, если его обидеть, ничего страшного не случится. Самое большое, что они делали, — заставляли его делать за них домашку. Списывали прямо в школе, а после уроков заставляли забирать их тетрадки домой и делать задания.

Сюй Жуйцзе был старостой класса и отвечал за китайский язык. Неважно, был ли урок или перемена, стоило только учителю задать домашнее задание, как окружающие одноклассники брали его тетрадку и списывали, потом большинство слеталось, как мухи, и яростно копировало. На такие вещи он всегда закрывал глаза, потому что не был строгим по натуре.

Видя, как все списывают у него, он, наоборот, чувствовал удовлетворение. В конце концов, плоды его труда получили всеобщее признание, значит, его успехи в учёбе и звание старосты тоже признали. Даже если несколько высокомерных отличников докладывали об этом учителю, он не боялся. У него всегда находились оправдания:

— Я сходил в туалет, а тетрадки уже не было. Не знаю, кто взял.

Учительница беспомощно вздыхала:

— А ты бы не прятал? Или сначала сдавал.

— Но ещё не время сдавать, я хотел проверить.

Учительнице нечего было возразить.

В такие моменты заместитель старосты Ли Цяньлань подходила и ругала его:

— Ты понимаешь, что вредишь им? Они уже от тебя зависят, каждый раз, когда есть задание, списывают у тебя, сами не думают. Продолжай в том же духе, и ты погубишь их будущее!

Сюй Жуйцзе всегда отвечал:

— Они же знают, что я им врежу, но всё равно идут ко мне. Им самим надо задуматься, они сами губят своё будущее. Я просто дал им глоток воды, когда они хотели пить.

— Знаю, у тебя хорошо с китайским, красноречие отличное, я с тобой не спорю.

Ли Цяньлань, отвечавшая за математику, всегда злилась на Сюй Жуйцзе, возвращалась на место и дулась.

Все эгоистичны. Привычку, однажды сложившуюся, трудно изменить. Как и попустительство Сюй Жуйцзе, потому что он уже привык давать им списывать. Те относились к нему как к благодетелю, с благодарностью и почтением. Неважно, выбирали старосту или определяли самого популярного и любимого ученика в классе, он всегда набирал больше всех голосов. Те хулиганы, которые его обижали, не только перестали это делать, но и защищали его, расправляясь с теми, кто его задирали.

Однако те, кто привык списывать, становились всё наглее и требовательнее. И вот однажды, по дороге из школы, Сюй Жуйцзе выкатил из велопарковки у входа в школу свой белый велосипед и направился к школьным воротам.

Именно в этот момент они впервые встретились.

Сюй Жуйцзе подкатил велосипед к воротам и уже собрался закинуть ногу, как вдруг почувствовал, что заднее колесо будто кто-то дёргает, и весь велосипед замер на месте. Он опустил ногу, оглянулся и увидел, что низкорослый, тощий и смуглый одноклассник Цзинь Чао держит его за заднее сиденье и с хитрой ухмылкой говорит:

— Сюй Жуйцзе, сделай за меня домашку, а?

Цзинь Чао был заодно с теми бездельниками, которые целыми днями болтались без дела, и ещё был главным заводилой в классе, больше всех любил затевать ссоры. Ему было мало просто списывать у Сюй Жуйцзе в школе, он хотел вообще не делать домашку после уроков, и первым, к кому он обратился, стал Сюй Жуйцзе.

Сюй Жуйцзе нахмурился, думая, что он и так оказывает ему честь, позволяя списывать в школе, а тот ещё хочет, чтобы он делал за него домашку после уроков? В этот момент даже его ангельское терпение лопнуло.

— Нет времени! — коротко бросил Сюй Жуйцзе три слова и снова взялся за руль, собираясь ехать, но обнаружил, что Цзинь Чао не собирается отпустить.

— Точно не сделаешь? — Цзинь Чао тоже разозлился, его тон стал угрожающим, сквозь зубы, будто в следующее мгновение он мог двинуться на Сюй Жуйцзе.

— Серьёзно, нет времени...

В этот момент Сюй Жуйцзе не хотел грубить и нарываться на неприятности, он лишь отнекивался отсутствием времени, его тон стал гораздо вежливее и мягче, как бы пытаясь договориться. В конце концов, он знал, что тот парень — непростой, если его разозлить, в классе потом придётся несладко.